

ка с утра»). В нем фиксируется тавтологический «сюжет фрондерства и фаталистического фланерства» (с. 116–125). В Каине видятся интертекстуальные черты от Фауста и Печорина до Передонова, в которого вселяется мелкий бес скуки. Устанавливается внешний культурный контекст цикла: «Каин» Байрона, его перевод Бунина, Гумилев («Потомки Каина»), Мережковский («Каинов дым»). К «каиномании» (с. 126) отнесены Адам, Прометей, Фауст, Гамлет, др. (с. 128).

Ананко рассматривает проблему «Ходасевич и Польша» (здесь тоже идет речь о Каине, Мицкевича), а одна из глав рецензируемой книги называется «Берлинский бестиарий». «Ходасевич собирает собственный <...> общеевропейский Зоо, заселенный <...> сверхъестественными существами и тварями, нелюдь и неогофмановской нечистью» (с. 164). Рядом с Зоологическим садом в Берлине селятся русские, как их называл в одном из писем Ходасевич, «зоологические эмигранты» (с. 165). В стихотворении Ходасевича «С берлинской улицы...» исследовательнице видятся «жизнетворческо-культурософские подтексты, свя-

занные с Белым» (с. 193). Символистское «золото» Андрея Белого («Золото в лазури») у Ходасевича «превращается в ироничную золотую желчь <...> болезненность». Здесь автобиографический подтекст, связанный с болезнью автора знаменитого стихотворения «Перед зеркалом»: «Разве мама любила такого, / Желтосерого, полуседого...». У Ананко неожиданное развитие этой темы: «...собачье-волчья образность развивает семантику <...> мутации поэзии в прозу; желчная заря „волчьей жизни“ постулирует приход новой (не)поэзии» (с. 198). В последующих двух главах Ананко рассматривает такие темы, как «Атлантида метрополии» (с. 210), «консервация взрыва», «сюжет суицидального форсирования фатального взрыва» (с. 242), «берлинский блуд и бред» (с. 260).

Один из выводов Ананко: в «Европейской ночи» «повествуется о том, как в критическом промежутке русской поэзии, в эмигрантско-каникулярном чистилище Берлина происходит растение и истление, разлад и распад — решающая автодеконструкция русского модернизма» (с. 294).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-255-256

© О. Б. Карасик-Андайк, © И. Е. Лунина

ЖИЗНЬ И НАСЛЕДИЕ М. М. БАХТИНА В ДВУХ САРАНСКИХ МОНОГРАФИЯХ*

125-летие со дня рождения Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975) — серьезный повод для того, чтобы присмотреться к достижениям отечественного бахтиноведения. Завершение в 2012 году Собрания сочинений мыслителя ознаменовало новый этап в изучении его научного наследия.

Две рецензируемые монографии появились в рамках проекта «Бахтинская энциклопедия», цель которого — осмысление и представление своего рода справочника идей, терминов, трудов М. М. Бахтина, определение биографической составляющей наследия ученого и его круга, выявление научных и историко-культурных контекстов.

* Михаил Михайлович Бахтин: Проблемы изучения биографии и научного наследия. Монография / О. Е. Осовский, В. Л. Махлин, В. И. Лаптин [и др.]; отв. ред. С. А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. Вып. 1. 176 с. (Бахтинская энциклопедия: материалы); Михаил Михайлович Бахтин: Личность и наследие. Монография / О. Е. Осовский, В. П. Киржаева, С. А. Дубровская [и др.]; отв. ред. С. А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. [Вып. 2.] 232 с.

Как указывается в предисловии к первой монографии, своей задачей авторы «видят реконструкцию „бахтинского пространства“, создание своего рода гипертекста, завершение которого обеспечит попадание читателя во „внутренний мир“ М. М. Бахтина, в историю его жизни и в историю его идей. Все это позволит понять те вехи диалога, которые разворачиваются у мыслителя в „большом времени“ не только с предшественниками и современниками (от Рабле до Достоевского, от Канта до Кассирера), но и с огромными пластами культуры» (с. 3).

Очевидно, что такая работа требует напряженного труда, поскольку сюжет почти каждой из статей для энциклопедии нуждался в специальном исследовании. Эти «рабочие материалы», представленные в форме научных статей, и послужили основой для рецензируемых книг. В этом, похоже, и причины некоторой «жанровой нестыковки»: обе монографии больше напоминают сборники научных статей. Впрочем, это не упрек рецензентов авторам, а скорее констатация факта, нередкого в сегодняшней научной жизни. Эта жанровая расплывчатость компенсируется новизной и важностью содержания.

Напомним, что изучение наследия Бахтина в Саранске, в стенах Мордовского университета (до 1957 года — Пединститута), где ученый проработал почти четверть века, имеет давнюю традицию: от «Проблем поэтики и истории литературы»¹ до «М. М. Бахтина в Саранске».²

Комплексный характер проводившегося исследования определил структуру обеих книг, включившую три раздела: «Биография», «Теория, фон, контексты», «Практика». Главы монографий — результат большой архивной работы, прежде всего это касается восстановления биографического контекста жизни Бахтина и его окружения. Так, опираясь не только на материалы местного архива, но и на документы из личного архива Бахтина В. И. Лаптуна и С. А. Дубровская дают развернутый анализ писем к Бахтину некогда декана литфака пединститута, а затем ответственного сотрудника Министерства просвещения РСФСР Г. С. Петрова, сыгравшего известную роль в трудоустройстве Бахтина в Саранске и оказывавшего ему разнообразную помощь в 1940–1950-е годы. Заметный вклад в понимание того, как организовывалась жизнь Бахтина в Саранске, выстраивались отношения с официальной властью и администрацией Пединститута, вносят главы «Менялись директора — менялось отношение...», «Бахтин и администрация Мордовского пединститута 1945–1950 гг.». Конечно, эта история выглядела бы куда более объемно, будь она опубликована единым текстом, но здесь, надо полагать, проявились неизбежные издержки поэтапного исследования.

Добавим, что в монографиях усилен поиск исследовательского инструментария, позволяющего по-новому работать с широким биографическим контекстом. В этом смысле представляется перспективной идея «бахтинского фильтра». Так, в ходе анализа «Словаря русских литературоведов XX века»³ выделяется круг ученых, так или иначе пересекавшихся с Бахтиным за время его научно-педагогической карьеры, и круг этот, как мы видим, оказывается весьма внушительным (от Г. Л. Абрамовича и С. С. Аверинцева до М. А. Лифшица и Ю. М. Лотмана). Еще одним источником сведений становится впервые введенный в научный оборот каталог инскриптов на подаренных Бахтину книгах,⁴ что позволяет оценить мас-

штабы влияния Бахтина-ученого в 1950-е — начале 1970-х годов.

Не менее важны для авторов вопросы бахтинской терминологии и порождаемых ею проблемных полей: специальное внимание уделяется здесь таким понятиям, как «большое время», «гибридная конструкция», «смеховое слово». Примечательны и попытки восстановления историко-научных контекстов бахтинских идей, начиная с европейского философского (В. Л. Махлин) и заканчивая теоретико-историко-литературным (С. А. Дубровская, В. П. Киржаева, О. Е. Осовский).

Закономерно и появление раздела, связанного с «бахтинскими практиками». В нем авторы не обходят и проблему «спорных текстов». Не вступая в полемику с противниками бахтинского соавторства «Формального метода в литературоведении» и «Марксизма и философии языка», они достаточно объективно воспроизводят аргументацию обеих сторон. Очевидно, что О. Е. Осовский и В. П. Киржаева склоняются к признанию этих книг если не исключительно бахтинскими, то большей частью своего текста обязанными именно Бахтину. Представлены здесь и различные формы комического дискурса и его карнавально-смеховых составляющих, характерных для отечественной литературы первой трети XIX века и сегодняшнего дня.

Генетическая связь монографий с замыслом «Бахтинской энциклопедии» обозначена в приложении, где представлен ряд статей проекта. Здесь как нельзя выразительнее проявляется идея «оживления» бахтинского пространства. Таковы биографические статьи о Г. В. Горбатском и Н. В. Яковлеве. Первый — коллега Бахтина по школе в Невеле в 1918 году, ставший впоследствии известным ленинградским полярником, второй — многолетний сотрудник Пушкинского Дома, близкий друг В. Н. Волошинова, участник совместно с П. Н. Медведевым «лекторского десанта» в Саранск в 1936 году и научный руководитель диссертации все того же Г. С. Петрова. Впервые эти фамилии с далекой периферии бахтинской биографии обретают смысловое наполнение.

Среди других статей заслуживают внимания подробная справка о Савёлове, информация о газете «Культура и жизнь», серии «Труды по знаковым системам», заседании к 75-летию юбилею М. М. Бахтина Лингвистического объединения при лаборатории вычислительной лингвистики МГУ и др.

В целом, рецензируемые книги — свидетельство того, что творчество Бахтина по-прежнему остается в центре изучения. Предлагаемые в них подходы дают возможность расширить исследовательский инструментарий, круг привлекаемых источников, оценить сделанное и обозначить перспективы дальнейшего освоения бахтинского наследия.

¹ Проблемы поэтики и истории литературы: Сб. статей / Отв. ред. С. С. Конкин. Саранск, 1973.

² М. М. Бахтин в Саранске: Документы, материалы, исследования / [Редкол.: О. Е. Осовский — отв. ред. и др.]. Саранск, 2002–2006. Вып. 1, 2–3.

³ Русские литературоведы XX века: Библиографический словарь. М.; СПб., 2017. Т. 1. А–Л / Сост. А. А. Холиков; под общ. ред. О. А. Клинка и А. А. Холикова.

⁴ Издания с дарственными надписями в коллекции «Личная библиотека М. М. Бахтина» Национальной библиотеки имени А. С. Пушкина Республики Мордовия: Каталог / Сост. Н. Н. Земкова; ред. О. А. Пальгина. Саранск, 2018.

кина Республики Мордовия: Каталог / Сост. Н. Н. Земкова; ред. О. А. Пальгина. Саранск, 2018.